

Перо Чернее Ночи

Я СОЗДАНИЕ
СУМРАКА,
ЗЕЛЕНИ
И ТАЙНЫХ МЕСТ.

МЕНЯ СОЗДАЛИ
НЕ ДЛЯ ЛЮБВИ

18+

Лира Селена

Лира Селена
Перо чернее ночи
Серия «Волшебный народец», книга 1
Серия «Путь Героини.
Героическое ромэнтэзи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74631111
ISBN 978-5-04-256419-2

Аннотация

В мире, где магия утрачена, фейри – нечастые гости. Лишь когда открываются врата в волшебную страну Тир на Ног, они могут попасть в мир людей, а люди – в обитель жестоких и коварных существ из легенд.

Фиа – воспитанница королевы, искусный воин и... подменыш, много лет назад занявший место принцессы, похищенной Волшебным народцем. В день, когда жизнь Фии наконец начинает налаживаться, дворец сотрясает долгожданное известие: врата в Тир на Ног снова открыты.

Прекрасный принц Роган, друг детства Фии, возвращается, чтобы вместе с ней отправиться в страну фейри и вызволить из заточения принцессу Айлу. Вместе они готовы преодолеть все трудности, однако волшебный край полон не только магии,

но и искушений. Фиа начинает сомневаться в истинности своих целей, в искренности своих чувств и в том, какому миру она принадлежит...

Кровь фейри, текущая в венах Фии, норовит взять верх, и если это произойдет, то под угрозой окажется всё, что когда-либо было ей дорого.

Международный бестселлер в жанре ромэнтэзи.

Книга, вдохновленная кельтской мифологией.

Жестокий ретеллинг истории о принцессе-лебедь, похищенной фейри.

Понравится поклонникам творчества Рэйчел Гиллиг и Теи Гуанзон.

Для фанатов тропов «второй шанс», «от врагов к возлюбленным» и «слоуберн», а также мультипликационного хита «Принцесса-лебедь».

Путешествие в волшебный, но опасный мир фейри; интриги и хитросплетения; сильная героиня, ненавидящая свою магию; неоднозначные персонажи и страстные взаимодействия героев.

Подменыш, которая считает свою силу проклятьем. Принц, обременённый долгом. Фейри, знающий страшные тайны прошлого. Принцесса, которая пойдёт на всё ради свободы.

Атмосферная обложка от художницы Chakiryshka.

«Мрачно, опасно и наполнено романтикой». – Рейчел Гиллиг

«Роскошно и обжигающе. Селена заманила меня в свой опасный мир фейри, и я никогда не захочу его покинуть». – Рошани Чокши

«Мрачно-очаровательная и прекрасно написанная книга. Идеальное сочетание атмосферного фэнтези, захватывающего сюжета и восхитительной романтики». – Тея Гуанзон

«Роскошно, поэтично и невероятно сексуально». – Shelf
Awareness

Содержание

Часть I. Похищенное дитя	8
Глава 1	9
Глава 2	25
Глава 3	42
Глава 4	66
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ли́ра Селена

Пе́ро че́рнее но́чи

Lyra Selene

A Feather So Black (Fair Folk #1)

Copyright © Lyra Selene, 2024

Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

Перевод с английского *Ю. Бабчинской*

Иллюстрация на переплете *Chakiryshka*

Иллюстрация на форзацах *jwitles art*

© Бабчинская Ю., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Для всех, кто когда-либо сомневался, что они являются главными героями своей истории. Вы – настоящие герои.

Часть I. Похищенное дитя

Там, где под светом лунным
Волнуется прибой,
По отмелям и дюнам,
Где берег голубой,
Мы кружимся, танцуя
Под музыку ночную
Воздушную толпой;
Под луною колдовской
Мы парим в волнах эфира —
В час, когда тревоги мира
Отравляют сон людской.
О дитя, иди скорей
В край озер и камышей
За прекрасной феей вслед —
Ибо в мире столько горя, что
другой дороги нет.

«Похищенное дитя» У. Б. Йейтс¹

¹ Перевод Григория Кружкова.

Глава 1

Горт – Плющ². Осень

Мне не стоило пить ежевичное вино. Оно фиолетовой волной пронеслось по моим венам, пронзая острыми шипами затылок. Я думала, напиток меня успокоит – позволит сосредоточиться на задании, – но все пошло не по плану. После нескольких глотков я казалась себе раскрепощенной и безрассудной, буквально дрожала от напряжения. Я крепче вцепилась в бокал, прогоняя с кончиков пальцев ежевичные колючки.

И поделом мне: знала же, что не стоит пить на задании.
– Еще вина? – спросил Коннла Рехтмар, принц Фаннона. Сидя в кресле, обитом мехом, он подался вперед, плеснул в бокал еще фиолетовой жидкости из графина и выжидательно мне улыбнулся: – Или предложить тебе напиток покрепче, чтобы ты наконец сняла плащ, под которым прячешься?

Вино добралось до моих щек, вгоняя меня в краску – но не

² Здесь и далее – названия приведены по огамическому алфавиту. Огам – древняя форма письменности, которая ассоциируется с кельтскими традициями и тайными знаниями. В огамическом алфавите нет отдельных месяцев, но есть связь между буквами огама и деревьями, а также с лунным календарем, где каждый месяц соответствует определенному дереву.

от девичьего смущения, а от ярости: он посмел говорить со мной так, будто я была какой-то девкой! Я могла бы сломать ему шею, даже не напрягаясь.

Кровь, подогретая вином, стучала в висках, горячила предвкушением скорой стычки.

Но Коннла понятия не имел, на что я способна. И если бы во мне оставалась хоть капля здравого смысла, я бы позволила всему идти своим чередом.

В шатре было слишком жарко, огонь прогонял промозглость поздней осени. Мне бы не помешало остыть – легкий морозец, чтобы вернуть бдительность. Я сосредоточенно перебирала в уме шаги своей задачи, пытаюсь отогнать лихорадочные мысли:

Один. Добраться до графина с вином.

Два. Подсыпать туда отраву.

Три. Уткнуть Коннлу бессознательным лицом в эту соблазнительную грудь меха. (Если успею.)

Четыре. Найти даррига³, похищенного принцем.

Пять. Доставить злобное создание моей матери.

Я сделала глубокий вдох, вдавливая большой палец в браслет, сплетенный из высушенного болиголова, крапивы и ежевики. Браслет впился в раздраженную нежную кожу, вспышка боли распутала клубок недобрых мыслей. Я рас-

³ Фар Дарриг является фейри из ирландской мифологии. Название Фар Дарриг является английским произношением ирландского Фир Дирг, что означает «красный человек», который, как говорят, носит красное пальто и шапку.

стегнула тяжелый шерстяной плащ и бросила его на пол, прежде чем иглы острых шипов пронзили бы мою кожу. По обнаженным рукам и ключицам пробежался холодок. Я подняла взгляд и посмотрела на принца из-под веера пушистых ресниц, оценивая его реакцию на мой киртл⁴ – точнее, его отсутствие. Зеленый, как листва, легкий шелк струился по моей бледной коже, вовсе не скрывая изгибы тела. Тонкие бретельки были и не нужны, учитывая, как туго я затянула корсет, подчеркивая скромные формы и осиную талию. Высокий разрез юбки оставлял не так уж много места воображению.

Желаемый эффект был достигнут: глаза Коннлы округлились и потемнели, он заерзал в кресле и окинул меня масляным взглядом, полным вульгарного предвкушения. Я не без труда подавила дрожь отвращения.

По правде говоря, я могла бы надеть на себя и мешок от зерна или прикрыться дубовыми листиками в причинных местах. Очевидно, что Коннла хотел меня – с платьем или без него. Я это знала с самого утра.

Последние две недели все наместники и аристократы Фодлы стояли лагерем возле Рат-на-Мара – столицы, где восседала верховная королева, – чтобы принять участие в Энах Тейлтен, похоронных играх в память о королях Фодлы. В этом году почести воздавались почившему наместнику Эо-

⁴ Киртл (*англ.* kirtle) – вид средневекового нижнего платья, носился и мужчинами, и женщинами.

дана, после чего праздновали коронацию его наследника.

Первые несколько дней королева высшего двора Этне И Маннин – моя приемная мать – рассматривала новые законы, после чего в честь короля был разожжен огромный погребальный костер. Следом начались игры – испытания физического и духовного мастерства, где юные воины и поэты могли проявить свою силу, храбрость и остроумие.

Коннла Рехтмар представлял дом своего отца в нескольких дисциплинах: стрельба из лука, верховая езда, бой на клинках. Он выигрывал в каждом туре – странное везение, учитывая, что он был ленивым и медлительным даже для принца.

Мать не позволила мне участвовать в соревнованиях. Нет. Я была ее тайной, инструментом, орудием. Хвастаться моими талантами не имело никакого смысла. Напротив, она хотела, чтобы я шпионила за остальными, выуживала секреты, прощупывала слабости. Как всегда, она держала меня при себе, поближе к трону, робкую и скромно одетую. Любимого приемыша – странную тихую мышку.

Там меня и заметил Коннла. Я уже привыкла ловить на себе чужие взгляды – хотя я выглядела невинной и послушной, все равно ходили слухи. Пересуды были всегда: откуда я родом, почему у меня такая внешность, почему королева так печется обо мне. Но внимание Коннлы отличалось. От его сального взгляда все внутри переворачивалось. Я обдумывала, как бы мне тайком отсалютовать ему, когда Мать

склонилась ко мне. Она сделала вид, что поправляет выбившуюся прядь черных, как соболиный мех, волос, возвращая ее под накидку.

– Сын Рехтмара возжелал тебя, – прошептала она так тихо, что никто из окружения не мог услышать.

– Я заметила, – проворчала я. А потом с надеждой спросила: – Можно я убью его за это?

– Нельзя. – В ее голосе сквозила улыбка. – Каххар?

Оллам Каххар – придворный друид, главный советник королевы и ее давний любовник – переместился ближе. Мать возвратила свое внимание соревнованию лучников, а Оллам опустился на скамью рядом со мной. Его нежеланная близость поубавила мою дерзость, но я даже не вздрогнула.

Каххар, подтянутый мужчина средних лет, обладал мягкими кошачьими повадками, но его внешность была обманчива. За последние одиннадцать лет он многому меня научил. Легендам. Шифрам. Ядам. Шпионажу. Но прежде всего – никогда не показывать своему врагу, как сильно я его ненавижу.

– В этом году Фаннону чрезвычайно везет в стычках на границе, – пробормотал Каххар. – Внезапные наводнения, которые уносят с собой вражеские отряды, падающие деревья, которые перекрывают дорогу фургонам с продовольствием. И все в таком же духе. Мои осведомители считают, что они поймали даррига.

И хотя маленький народец находил лазейки, проникая в

наше королевство, было строго-настрого запрещено связываться с кем-то из них. Держать в плену даррига считалось изменой – эти похожие на гномов создания могли предсказывать события, которым только было суждено случиться, и влиять на исход самых простых начинаний. Как, к примеру, падение дерева, направление паводка... или исход сражения на мечах в турнире.

– Думаешь, у Коннлы есть дарриг? – спросила я, не спуская глаз с принца, который отмечал свою слишком удачную победу, лениво потягивая эль на трибунах.

– Старик Рехтмар уже отжил свое, – сказал Каххар. – Коннла – его наследник, военный советник и капитан его фианн⁵. Если кто и может стать во главе, так это Коннла. Поймай для нас это создание, ясно?

– Ты имеешь в виду: казнить его? – Я перевела взгляд с Каххара на королеву. – Так ведь?

– Не в этот раз. – На лице друида застыло смертоносное выражение, и я знала, что сейчас с ним лучше не спорить. – У нас свои планы на это создание.

Я постаралась скрыть свои сомнения. Мать презирала фейри и не доверяла тем, кто раньше правил ее землями, подобно богам. Этим коварным, подлым, жестоким существам не было места в царстве людей. Двадцать лет назад фейри

⁵ Фианна, фианы или фении – небольшая полунезависимая дружина воинов, которая жила в лесах и занималась торговлей, разбоем и охотой, но могла быть призвана королем в случае войны.

убили верховного короля, супруга Матери, во время дипломатического визита. Из-за той несправедливой казни вспыхнула Война Врат – свирепая кровавая битва, конец которой положили сами фейри, похитив у людей двенадцать девочек. Последней оказалась дочь королевы.

Мать ни разу не использовала вероломный народец в собственных целях. Разве что использовала меня – подменыша, девочку, которую двенадцать лет назад оставили на месте ее похищенной дочери. Проведя столько лет при королеве, я чувствовала себя скорее человеком, а не фейри. Я была готова на все ради Матери.

Включая это.

Я снова посмотрела на Коннлу, который бесстыже пялился на меня.

– И как мне найти даррига?

– Ты уже показала мне свои тактические навыки, маленькая колдунья. И в хитрых уловках ты демонстрируешь большие успехи, – иронично заметил Каххар. – Но вот искусство обольщения ты пока обходила стороной.

Меня такой план не порадовал. Однако если Каххар чего-то требовал, значит, того желала Мать, и мне следовало подчиниться.

Так я оказалась здесь – немного захмелевшая, полураздетая в этом платье, которое мало что скрывало, а пресыщенный алчный принц подманивал меня к себе пальцем. Я вновь переборола волну отвращения.

Я напостила себе, что мое лицо мне не принадлежит. Как, скорее всего, и тело. Какая разница, если я решу использовать их как инструмент, как оружие? Они станут тем, во что я их обращаю.

Я качнулась в сторону Коннлы, приклеив к лицу ленивую улыбку и вильнув бедрами сильнее, чем было нужно. Он хлопал себя по колену, и я присела к нему на ногу. Стиснула зубы, позволив ему обхватить рукой мою талию.

– Да, нам понадобится больше вина, – пробормотала я, прильнув к принцу. – Но не позволите ли вы *мне*, мой принц, на этот раз обслуживать *вас*?

Я дотянулась до графина с вином. Коннла перехватил мою руку, сдавив запястье. Осмотрел меня с ног до головы с предельной осторожностью.

– Я не ждал сегодня вашего письма, *миледи*. – Едкое дыхание обжигало мне щеку. – Как и не ждал, что вы заявитесь в мой шатер, полураздетая и жаждущая вина.

– Что я могу сказать? – Не переставая улыбаться, я сильнее стиснула зубы. – Просто не могла отвести от вас взгляда. К тому же в Рат-на-Мара сложно найти приличный напиток.

– Может быть. А возможно, у вас есть и другие причины. – Глаза принца недобро сверкнули. – Видите ли, после вашего неожиданного послания я поделился новостью с парочкой местных парней. Может, даже немного похвастался. И то, что они про вас рассказали... очень любопытно.

Он крепче сжал мое запястье, посылая по руке волну бо-

ли.

– Видите ли, Фиа Ни Маннин, все говорят, что вы вовсе не кузина королевы. Они говорят, что вы маленькая колдунья. *Калех*⁶, представьте себе! – В его голосе появились неприятные нотки. – У меня в постели уже бывали ведьмы, так что мне нет до этого дела. Но ходят слухи, что у вас есть способности фейри. И что вы – *подменыш*.

Проклятье!

– Подменыш? – Я неуверенно улыбнулась. – Это вино разыграло вашу бурную фантазию, милорд. Скорее я королевский *приемыш*.

– Я точно знаю, что слышал. – Суровое лицо принца не дрогнуло. – Ты очень необычная девушка: твои волосы чернее самых глубоких вод; твои разноцветные глаза даруют кошмары; ты маленькая, словно веточка, которую можно с легкостью переломить. Я бы поставил на то, что ты и впрямь грязный подменыш, как все говорят. Где только верховная королева нашла тебя? Как смогла удержать при себе? И как мне забрать тебя себе?

Я замерла, ощутив угрозу – даже некую алчность – в голосе Коннлы. Он до боли обхватил меня руками. Мои шансы на успех с каждой секундой уменьшались. В венах проросли шипы, и я уже видела – во всех красочных подробностях, –

⁶ Калех – в мифологии островных кельтов (в Ирландии, Шотландии на острове Мэн) – божественная колдунья, божество-творец и богиня погоды, а также прародительница других богов.

как обхватываю горло принца пальцами и душу его колючими лозами, как наполняю его рот острыми листьями, как его глаза становятся вымоченными ягодами и как я возвращаю его земле, превращая в жуткий шипастый куст ежевики.

Это было бы так легко.

Но Мать сожрала бы меня с потрохами, если бы я без приказа применила свою Зеленую Метку на наследнике ее наместника. Я постаралась взять себя в руки и успокоиться.

И все же слова принца словно иглы пронзили меня насквозь.

«...маленькая, словно веточка, которую можно с легкостью переломить».

Его слова задели меня за живое, хотя были наполовину правдивы, – я действительно отличалась миниатюрным телосложением. Когда Мать впервые отправила меня к своим оружейникам, чтобы я научилась ездить верхом, стрелять, биться врукопашную и фехтовать, мне было девять и для своего возраста я все равно была маловата. Я не могла нести длинный лук, как это делали фианна Матери, не могла дотянуться до крупа их прекрасных подтянутых жеребцов. Я даже не могла поднять широкий и прямой меч, который нес в битве гордый фенниди⁷. Потому я смастерила себе лук из молодых побегов, найденных в лесу, а еще научилась ездить верхом без седла на горно-болотных пони, слишком мелких для взрослого человека, и ловко сражаться с кинжалами в

⁷ Фенниди – шаман в древней Ирландии.

обеих руках. Даже сейчас, в свои двадцать лет, я была невысокой – ниже, чем большинство, и вдобавок худой после изнурительных тренировок и яростных парных боев.

Но размер – это еще не все. Длина лука ценилась меньше меткости стрелка. Шаг лошади – меньше, чем ее желание бежать. Длина клинка – меньше, чем его острие.

Да, мелкая. Да, подменыш, хотя я бы ни за что не призналась в этом раскормленному принцу. Но я была быстрой, свирепой и всегда билась до конца.

Плывать мне на откровенное платье и искусство обольщения. Я решила поступить по-своему.

Без предупреждения я впиалась свободной рукой в предплечье Коннлы. Он застонал, когда мышцы свело судорогой. Его хватка на моем запястье ослабла – я выдернула руку и резко ударила кулаком ему в нос. Принц отшатнулся, сбрасывая меня с колен. Кровь потекла по его подбородку, пачкая дорогой ковер.

– Ах ты стерва, – захлебываясь кровью, выплюнул он.

– Стерва или ведьма, какая разница, – сказала я, пожимая плечами. – Не смей больше звать меня подменышем.

Я забралась ему на плечи, как на лестницу, прежде чем он смог сжать кулак. Обхватила руками голову Коннлы, сдавила шею коленами и опрокинулась на спину. Ткань моего платья затрещала и порвалась. Под моим весом Коннла завалился вперед и покатился колесом. Он тяжело приземлился на спину, так что из его груди вышибло весь воздух.

Я мягко приземлилась на ноги и нависла над принцем, присев на корточки у его головы. Я уперла локти в колени и устояла на его окровавленное лицо, пока он барахтался, как рыба со вспоротым брюхом.

– Говори, где дарриг, – приказала я.

Принцу потребовалось немало времени, чтобы набрать воздуха в легкие и ответить мне:

– Нет!

– Отлично, – сказала я. – Тогда я сама найду это отродье.

С этими словами я столкнула его голову с костровой чашей. Глаза Коннлы закатились, а голова свесилась набок.

Этот шатер был огромным, но не безграничным. Не так уж много вариантов, чтобы спрятать волшебное создание и удерживать его в плену – особенно вдали от лунного света, который даровал маленькому народцу магию. И внутри клетки из железа, которое подавляло бы силу. Я внимательно изучила кровать, где лежала гора мягких меховых шкур – мне стало тошно при одной мысли об этом месте и его назначении. Я повернулась к боевому сундуку Коннлы.

Конечно же, тот был заперт. Я могла бы вскрыть его, но это отняло бы драгоценные минуты, которыми я не располагала. Коннла явно отключился ненадолго.

Я положила ладонь на замок и замешкалась.

«Маленькая колдунья».

Когда мне было десять, я нашла на лесной опушке покалеченного ежика, пронесла его тайком к себе в комнату и

спрятала под кроватью. Я очень к нему привязалась, выходила его и назвала Шишкой. Вот только я позволила ему познакомиться слишком близко к себе. Однажды я заснула, когда еж лежал на моей груди, под ночной рубашкой. Когда я проснулась, моя магия забрала у меня Шишку – от него остались лишь комья грязи и капли крови, смешанные с сосновыми иглами и смолой.

Некоторые люди, в особенности Мать, видели в моей магии дар. Я же знала, что это проклятье. Моя магия ничего не давала, только забирала.

По моей ладони заструилась кровь, темная от магии, горячая от вина. Я на мгновение замерла и прикрыла глаза, представляя себе густые заросли ежевики, усеянные черными ягодами и острыми шипами. Когда я открыла глаза, упругие колючие ветви пробрались в замок.

Протяжно застонал металл, поддаваясь. Щелчок – и я открыла крышку сундука.

Поначалу мне показалось, что сундук Коннлы был наполнен сваленными в кучу палками. Я часто заморгала и наконец разглядела даррига – сгорбленное, сломленное создание с телом, похожим на выкорчеванный пенёк, конечностями, которые напоминали обломленные ветви, и глазами, подобными блестящим камням. Железная клетка, в которой Коннла держал его, была слишком мала – дарриг не мог поджать ноги, не соприкоснувшись с железом, и на его коже, похожей на древесную кору, остались отвратительные рубцы. Из сун-

дука донесся мерзкий запах жженой древесины и перегноя.
– Помоги, – захрипел дарриг.

Меня накрыло волной жалости, которая противоречила моей задаче. Может, дарриг и был злым коварным созданием из Тир-на-Ног, но даже враги не заслуживали того, что сотворил с существом Коннла – посадил в тесную клетку, избил, заморил голодом.

Я обуздавала свои чувства. В Войне Врат смешались холод металла и людская кровь, кошмары и украденные страхи. Она унесла бесчисленное множество жизней. Пусть война и завершилась – врата были закрыты и похоронены, обширная фианна Матери расформирована, – но на самом деле битва не закончилась. Просто теперь ее вели на других территориях.

Я отвернулась от волшебного создания, пытаюсь понять, где оставила плащ. Мне нужно было набросить что-то на клетку...

Хрупкие, как молодые побеги, пальцы ухватились за мое запястье. Я развернулась. Дарриг протиснул свою сморщенную руку сквозь прутья решетки, невзирая на прожигающий его плоть металл. Существо оказалось на удивление сильным – хотя я с отвращением отдернула руку, дарриг слишком крепко, с неким остервенением, держал меня.

– Помоги! – В бездонных глазах вспыхнул проблеск надежды и отчаяния. – Исцели разбитое сердце. Печали конец положи. Отдай, что от жизни осталось, и завтрашний день

ты впусти.

– О чем ты говоришь? – Я попыталась освободить руку, но существо не отпускало меня. – Ты просишь освободить тебя?

За моей спиной раздался грохот, заглушая слова даррига. Кто-то схватил меня за косы и грубо дернул, запрокидывая мою голову. Глаза заслезились, и сквозь пелену я увидела Коннлу, нависшего надо мной. Он обхватил мою шею рукой и сдавил, посылая вспышку боли от шеи к черепу.

– Гнусный ублюдок, – прохрипела я.

Я ужасно недооценила, как быстро он восстановится.

– Вероломный подменыш, – прорычал он.

Перед глазами уже плыло.

Положив руку ему на локоть, я крутанулась и вырвалась из хватки. Все еще придерживая локоть, другой ладонью стиснула его запястье и с силой согнула его руку. Он вскрикнул и отдернулся, чтобы я не могла сломать ее. Один удар поставил его на колени, второй – уронил на пол.

Я не на шутку рассердилась. Прыгнула сверху, обхватывая ногами его торс и руки, нащупала рукоять своего кинжала. Вторая моя рука, обхватившая горло Коннлы прямо над пульсирующей веной, менялась на глазах: вены позеленели, ажурный узор из резных листьев кружевом лег на кожу, крохотные шипы – острые, как ежевичные заросли, – прокололи ладонь и пальцы. По шее Коннлы заструилась кровь, его горло судорожно сжалось, а глаза затуманились от страха. Внут-

ренный голос кричал мне отпустить его, утомонить ярость, которая мчалась по венам.

Но было слишком поздно. Прежде я не желала ему смерти.

А сейчас – вполне.

Черные, красные, неистово-зеленые огни вспыхнули у меня перед глазами. Я поднесла кинжал к горлу Коннлы.

Чьи-то руки легли мне на плечи.

Я выругалась – я снова забыла про то, что у меня за спиной.

Глава 2

Нападавший был сильнее – меня подхватили, как тряпичную куклу, стаскивая с безжизненного тела Коннлы. Я ударила обидчика ногой и услышала в ответ недовольное фырканье. Воспользовавшись преимуществом, я перехватила руку, которая сжимала мое плечо, пригнулась, проскальзывая у мужчины под мышкой, ухватилась за плотную ткань его плаща и приставила к горлу кинжал.

Он блокировал мой удар рукавицей, и моя рука полыхнула болью. Ладонь мужчины накрыла мой кулак, смявший его плащ. Он подался вперед.

– Вся радость в азарте боя, – пробормотал он тихо, чтобы Коннла не услышал. Низкий тенор наполнился нотками веселья, – а не в обещании смерти.

Я замерла на месте. Хотя голос казался чужим, но слова я узнала. Они будто явились из утра, сотканного туманом, – из тренировок во дворе на рассвете под стук деревянных мечей. Холодный пот выступил на ключицах, а вздох застыл, словно в мое горло вонзили кинжал. Мне было тринадцать, и я ужасно разозлилась, когда мой противник по бою, ученик в фианне Матери, дюжину раз подряд одолел меня в поединке. И каждый раз он завершал бой самым подлым образом: выворачивал мне руку так, что рукоять меча вываливалась из ладони; хватал за горло так, что я задыхалась от кашля; с та-

кой силой тянул меня за волосы, что у меня хрустела шея. Я оглядывалась на ригфеннид за поддержкой, но тот никогда не замечал, как мой соперник жульничал. Гнев болиголовом пронзил мои вены. Наконец я рванула вперед – бросилась на парня, позабыв о мече, стараясь сбить противника с ног, ударить, задушить. Я хотела убить его, и ничто на свете не казалось мне приятнее в тот момент.

Хорошо, что меня вовремя оттащил *он* – Роган Мор, принц Бридеи, один из воспитанников-аристократов Матери. Мой лучший друг, который был на два года старше меня. Единственный, кому я доверяла.

В тот день он крепко держал меня в объятиях, пока моя ярость не утихла. Он прошептал мне на ухо знакомые слова: «Вся радость в азарте боя, а не в обещании смерти».

Но Роган исчез – и надолго.

Когда мы виделись в последний раз, он был долговязым юнцом. Теперь я смотрела в лицо мужчины – окинула взглядом крепкую челюсть, мягкие губы, широкие брови. Но мальчик, которого я знала, все еще был там – прятался в золотистых волосах, что небрежно упали на лоб, в смеющихся губах, в глазах того же оттенка, что океан у подножия холма в Бре.

Я отпустила его плащ. Не потому, что не хотела касаться его, а потому, что хотела. Это он бросил меня четыре года назад, напомнила себе я.

Он предназначен вовсе не тебе.

– Королевич! – фыркнула я сквозь стиснутые зубы. – Что, во имя Морриган, ты здесь делаешь?

– Спасая твою безнадежную шкуру. – Несмотря на мой ехидный тон, он улыбнулся – меня словно коснулся теплый ветерок и весенние листья. – Или, точнее, его шкуру.

Коннла воспользовался нашей стычкой, чтобы отползти в сторону, забраться на свою гору из роскошных мехов, свалить все это поверх даррига и распахнуть дверцу шатра.

– Охрана! – завопил Коннла в темноту. – Охрана!

Незамедлительно над лагерем раздались крики, лязг металла и завывания охотничьих собак.

– Проклятье! – Я подхватила свой плащ, с сожалением взглянув туда, где был похоронен под грудой вещей дарриг. Может, еще не поздно...

Но в руке Коннлы возник длинный и острый меч. Из носа принца все еще лилась кровь, а лицо озарила мерзкая победоносная ухмылка, окрашенная в алый. Он встал в проеме, загораживая мне путь.

Я быстро окинула взглядом роскошный шатер Коннлы. Его полотно было новым и прочным, вряд ли я могла бы прорезать его своим изящным кинжалом. А на поясе Рогана я не заметила клинка.

Что-то подсказывало, что Коннла скорее убьет меня, чем даст пройти.

А значит, оставался только один выход.

Я положила руку на тканую поверхность шатра и закрыла

глаза. Волокна были плотно переплетены, совершенно безжизненные. Я с трудом пробилась сквозь дымку лилового вина и острых шипов, которые все еще затуманивали мой разум, в поиске искры, жизни, роста. И наконец увидела зеленую вспышку! Бледный лучик света среди высоких растений. Разлапистые листья, покачивающиеся на влажном ветерке. Грязь, перегной и черви, кишачие у корней.

Дерганец⁸ утратил память о том, что обязан расти, жить. Его вырвали из земли, вымочили, разбили на волокна, скрутили, сплели. Он привык к тому, чтобы быть неподвижным, мертвым, быть всего лишь *тканью*.

Но ничто не смогло бы забыть, чем оно было на самом деле. Даже те вещи, которые могли бы этого желать.

Я ухватила за дерганец, привязывая его к своей отравленной мхами крови. Искусно переплетенные волокна ожили, и тут же из брезентовой ткани хлынула зелень. Распустились широкие листья, выгоняя нас наружу. Вместе с Роганом мы выскочили в вечернюю прохладу, и я закрыла за нами прореху. Меня охватило чувство жалости, когда дерганец вновь с некоторой неохотой стал всего лишь *тканью*.

Я опустила руку и посмотрела на Рогана. На его лице отразилась неловкость, которая, однако, быстро исчезла.

– И что теперь? – спросил он.

Я стиснула зубы и подняла голову. На верхушке соседне-

⁸ Дерганец – мужское растение конопли с тонким стеблем, из которого вырабатывается волокно; посконь.

го шатра приютились два любопытных скворца. Их черное оперение было практически неразличимо на фоне ночного неба.

Я махнула им рукой, и они растворились в темноте, пропев свою трель.

Однако вечер еще не закончился. Может, я и не заполучила даррига, но я была не единственным шпионом королевы. После всех оскорблений, которые я нанесла Коннле, он точно станет преследовать меня. Если его фианна будет у меня на хвосте, шатер останется без присмотра.

Колдовские птицы Каххара передадут друиду мое послание.

– Что теперь? Я поведу их в веселую погоню. – Я ухмыльнулась Рогану и поддалась пульсу новой жизни, которая окрашивала мою кровь в зелень и золото. – Проверим, сможет ли *королевич* не отставать?

* * *

Долину у подножия Рат-на-Мара заполнили огромные шатры четырех наместников Фодлы, представителей их домов и свиты. Но там были не только их лагеря. Несмотря на чуму на юге и голод на севере, многие приехали в столицу ради траурных игр – торговцы, попрошайки, барды, мечтательные мальчишки с ферм, прихватившие с собой ржавые мечи своих дедов. Равнину усеивали палатки, навесы, кара-

ваны, а между ними сплетались в паутину самодельные дороги и протоптанные узкие тропинки.

Это нас замедляло. С каждым шагом люди и псы Коннлы догоняли нас, беря в кольцо.

– Слишком далеко, – выдохнула я. Моя смелость улетучивалась, пока я сидела за отхожим местом, откуда несло нечистотами. Всего в четверти мили от нас находился высокий деревянный частокол, окружавший Рат-на-Мара, но выросший здесь город из шатров преграждал нам путь, как лабиринт. – Может быть, ты уведешь их? Коннла ищет меня, а не тебя.

Я повернулась к Рогану. Было тяжело смотреть на него и не пялиться – меня сводило с ума, что он казался таким родным и в то же время чужим. Я заметила в нем перемены, каким крепким он стал – его руки, обнаженные под плащом, бугрились каменными мышцами, а плечи были шире, чем я помнила.

– Я? – Он рассмеялся. – Фаннон ненавидит Бридаю. Если они поймают меня в своем лагере, то выколют глаза, а потом скажут моему отцу-королю, что это всего лишь несчастный случай.

– Хороший аргумент. – Я посмотрела в эти самые глаза – даже в темноте они светились сине-зеленым огнем. – По правде говоря, одного глаза тебе было бы достаточно.

– Я был бы ослепителен с повязкой на глазу.

Собака залаяла совсем близко. На лице Рогана мелькнула

некая мысль, и он стал крадучись удаляться. Однако не в том направлении.

– Ты куда? – прошипела я ему в спину.

Роган замер.

– Я когда-нибудь бросал тебя?

– Постоянно.

– Может, я изменился.

Я распахнула рот, чтобы возразить, но в поле зрения появились дымящиеся факелы, и на мгновение я ощутила укус призрачных зубов. Следуя за принцем, который однажды разбил мне сердце, углубляясь в лагерь человека, который сейчас желал мне смерти, я вовсе не испытывала радости. Но других вариантов не было.

Я крадась за Роганом.

Мне показалось, что мы прошли уже несколько миль – люди Коннлы с каждым шагом приближались, – палатки и навесы поредели. Мелькнул свет от костра. Я увидела несколько заброшенных построек – покинутую фермерскую хижину и старый амбар. В ветхих окнах мерцали огни, были слышны звонкий смех и песни. Захмелевшие мужчины и женщины топтались у костра. Под окнами хижины лежали бочки. Возможно, здесь устроили таверну?

– Не думаю, что...

– Доверься мне. – Роган протянул руку. Я замешкалась, потом ухватила за его ладонь, проклиная себя за глупость.

Он повел меня к хижине, проталкиваясь сквозь толпу. Уз-

кий переулочек змейкой бежал между хижин и амбаром – туда почти не проникал свет. Роган подтолкнул меня к улочке, потом обернулся и посмотрел в ту сторону, откуда мы пришли.

Фианна Коннлы проверила последние шатры и направилась к костру. В свете огня металл их клинков блестел алым. Огромных собак удерживали на удавках. Ригфеннид остановился возле костра одного из пьяных гуляк, но тот лишь помотал головой. Главарь махнул своим людям в сторону кольца из бочек. Я сглотнула ком в горле и потянула Рогана за руку, желая углубиться в переулочек. Он покачал головой.

– Тупик, – прошептал он.

Сердце подпрыгнуло в груди.

– Тогда зачем...

Поверх его плеча я заметила, как один из мужчин указывает в нашу сторону.

Роган резко повернулся ко мне, схватил обеими руками за талию и приподнял, будто я была легче воздуха. В спину ударил твердый камень. Я сделала резкий вдох, стискивая плечи принца, чтобы не потерять равновесие. Его мускулы напряглись под моими ладонями, а рука скользнула вверх по моей обнаженной ноге, поднимая ее. Кожаные доспехи вдавились в мои бедра. У меня в паху разлился жар, который кипятком промчался по венам, смешиваясь с нарастающей паникой.

– Что ты творишь? – выдохнула я.

Свободной рукой Роган коснулся моего лица, поправляя капюшон на моей голове. Пальцы коснулись моей щеки. Он наклонился к моей шее.

– Позже скажешь мне спасибо.

Губы Рогана дотронулись до нежной кожи шеи, посылая волну жара по моему телу. Принц прерывисто дышал. Мое дыхание подхватило этот ритм, пульс участился от волнения и такой близости. Я впилась ногтями в плечи Рогана, молясь любым богам, которые могли бы услышать меня, чтобы это не был самый глупый план, который мог придумать мой красивый и безбашенный принц. Я почти перестала думать о нависшей угрозе – поцелуи дразнили мою шею, крепкие ладони гладили спину, а пряжка ремня вдавливалась в низ моего живота. Я чуть переместилась, обхватывая ногой его бедра, чтобы удержаться. Принц резко выдохнул и опустил руки, подхватывая меня под ягодицы. Поднял голову, встречаясь со мной взглядом. Его губы были так близко, и я...

От грохота ботинок по дороге все мое тело напряглось. Кладание когтей по камню царапало слух. От звона мечей, доставаемых из ножен, по позвоночнику побежала дрожь.

В пяти шагах от нас раздался грубый мужской смешок. Издевательский свист.

Не отрывая губ от моей шеи, Роган поднял руку и жестом показал солдатам убираться восвояси.

Солдаты рассмеялись, дернули своих собак. К моему удивлению, отряд двинулся дальше.

Я закрыла глаза и прислушалась: стук ботинок, возвращавшихся к костру, вооруженные люди, протискивающиеся в переполненную хижину. Недовольные крики. Приглушенные разговоры. И наконец – только беззаботный смех и пение, а следом рвотные спазмы за кустами можжевельника.

Мне показалось, что Роган еще долго держал меня в объятиях – и все же этого было недостаточно. Мы оба тяжело дышали, по моему телу пробегала дрожь – после испытанного страха и возбуждения, которое пронзало меня насквозь горячими волнами. Роган отошел от меня, но его рука задержалась на моей талии. Своими доспехами он порвал шелковую ткань моего платья, и теперь ладонь согревала мою обнаженную кожу.

– Ты сумасшедший, – выдохнула я.

Принц беззаботно пожал плечами, но я заметила в его взгляде облегчение.

– Лучше, чем мертвый.

– Спорно.

Отряда Коннлы нигде не было видно, но вряд ли они пропали надолго.

– Нам нужно вернуться в крепость, пока они не удвоили силы.

– Тогда води меня.

Высокий частокол, окружающий Рат-на-Мара, был усеян укрепленными воротами. Ночные дозорные помахали мне рукой, пропуская без вопросов – они принесли присягу Матери и уже привыкли к моим поздним вылазкам. Стражи с подозрением посмотрели на Рогана, но позволили ему следовать за мной через весь двор в главную залу. Мы прошли сквозь арочный проем, наше дыхание казалось громким в этой гулкой тишине.

– Что ты здесь делаешь? – прерывисто спросила я.

Час был поздний. Мать пиновала со своими наместниками, но пир уже завершился, и все, что осталось, – объедки на подносах, пустые кувшины из-под медовухи, вонючий тростник под ногами и несколько пьяниц, храпящих по углам.

– И что, во имя Морриган, ты делал в шатре Коннлы?

Роган встряхнул золотистыми волосами и расстегнул клетчатую накидку. В мерцании свечи сверкнула брошь на его плече – треснутый драгоценный камень, отполированный до блеска, под стать его глазам.

Нет, не драгоценный камень. *Речник*.

Я затаила дыхание. Мне было лет одиннадцать, когда мы его нашли. Мы с Роганом отстали от отряда, который охотился на кабанов. Совершенно не огорчившись, мы решили насладиться теплым деньком – гонялись за кроликами по ле-

су, плескались в широком ручье, который петлял меж деревьям. Именно я нашла сияющий сине-зеленый камень – размером с мой кулак, с трещиной по центру. Но именно Роган в него влюбился. Он поднял его, глядя, как тот искрится на солнце, и заявил, что это зачарованный изумруд из далеких земель. Я посмеялась и сказала, что мы слишком взрослые для таких сказок. Но когда солнце склонилось над горизонтом, а Роган попытался отдать мне красивый камень, я велела принцу оставить его себе.

– Может, однажды этот заколдованный изумруд поможет тебе разрушить проклятье малого народца, – шутливо сказала я тогда. – К тому же он подходит под цвет твоих глаз.

Правда заключалась в том, что я не могла ни в чем отказать Рогану Мору.

Все эти годы он носил мой подарок, как талисман.

Я сжала свое запястье под накидкой, сильнее вдавливая браслет из колючек и шипов в кожу.

«Он предназначен вовсе не тебе».

– Я прибыл в Рат-на-Мара сегодня, – сказал Роган. – На пиру мне следовало отдать королеве отцовскую дань. Но потом я увидел тебя – или, точнее, я подумал, что это ты, когда ты шла к воротам. Я попытался нагнать тебя, но ты уже скрылась. И, если честно, я немного заплутал. Оказался рядом с той таверной, где мы...

Он замолчал. Его взгляд потемнел, и вряд ли виной тому были растаявшие свечи. В животе вспыхнул предательский

огонек, подогреваемый тревогой.

«Четыре года назад он бросил меня», – повторяла я себе снова и снова. Это был его выбор. Никто не заставлял принца уходить.

– Я решил выпить. В таверне я услышал перешептывание дружков Коннлы – про ведьму, подменыша. Они замышляли какую-то подлость. Я подумал, что тебе понадобится помощь.

– Ты ошибся.

– Теперь я это знаю наверняка. – Роган улыбнулся. – Теперь я уверен, что этот боров Коннла обязан мне жизнью.

Между нами повисла тишина.

– Святое колено Амергина! Фиа! – присвистнул Роган. – А ты изменилась. Сколько же времени прошло?

Я-то уж точно знала, сколько прошло, вплоть до часов, минут, секунд, но я бы ему не призналась. Мне было не забыть тот день, когда Роган ушел. Прохладное ясное утро в конце лета. Стук копыт во дворе Рат-на-Мара, черный как сажа жеребец – подарок Рогану от Матери на восемнадцатилетие. Фианна Кайрелла Мора, приехавшая сопроводить принца домой. Ладонь Матери на моем затылке, ногти, легкое царапающие кожу, будто напоминая, что она была права с самого начала.

От принцев одни лишь беды. И никто – особенно Роган – не смог бы полюбить меня сильнее нее.

– Года четыре, – небрежно ответила я. – Зачем ты вер-

нулся в Рат-на-Мара? Мать будет недовольна, узнав, что ты приехал без ее разрешения.

– Недовольна? Думаешь, она украсит моим черепом свой стол? – Роган улыбнулся. – Я не настолько глуп, подменыш. Именно она и вызвала меня.

Внутри меня вдруг вспыхнула надежда.

– Зачем?

– А зачем же еще? – Взгляд Рогана затуманился, устремляясь вглубь, в мир фантазий. Но только в этих фантазиях никогда не было меня. – Королева и ее друид наконец разгадали загадку. Они нашли способ спасти принцессу и вернуть ее домой.

Окончание фразы так и повисло между нами, оставшись невысказанным.

«Вернуть ее домой... чтобы выдать за меня замуж».

Роган Мор был суженым принцессы Айлы Ни Маннин с самого ее рождения. И, хотя я была воспитана матерью Айлы и носила ее лицо, я определенно не была Айлой. Никогда бы ею не стала. Исключено.

Девушка, созданная из камней, костей и колючек. Такой не суждено стать супругой принца. Восхищаться им – да. Желать его – да. Может, даже разделить с ним постель.

Но не выйти за него замуж.

– Уже поздно. – Роган зевнул. – Я спать. Идешь?

Я тяжело сглотнула, стараясь не думать о его постели.

– Как бы заманчиво это ни звучало, я бы предпочла при-

жаться к какому-нибудь пьянице в углу.

Роган сдержал смешок.

– Я имею в виду твою постель, распутная ты женщина. Но не дай мне отговорить тебя от желания поспать рядом с этими пьяницами.

Я смотрела, как его спина удаляется от меня по задымленному пиршественному залу.

Воспоминания колючими лозами извивались в моей голове: руки Рогана Мора на моих бедрах, мои ноги у него на талии, его губы возле моей шеи. Он всегда называл меня подменышем, и это позволяло мне чувствовать, будто я была ценной, желанной, а не кровожадным созданием леса с чужим лицом, чужой матерью и безответной любовью в сердце.

Ценная или нет – я однозначно была подменышем.

Из двенадцати дочерей, украденных фейри, только на месте Айлы оставили подменыша. В кровати первой девочки оставили связку хвороста, перетянутого пеленкой, – безмолвный человечек, высохший до трухи. Другая исчезла среди луговых цветов, оставив после себя лишь рой разъяренных пчел. Одна из матерей приложила своего ребенка к груди, только чтобы обнаружить обжорливого поросенка, впившегося ей в сосок.

Но на месте Айлы оставили маленькую девочку. Она выглядела совсем как принцесса, только с черными как ночь волосами и странными глазами разного цвета.

Это была я.

Однажды утром я проснулась на мягкой перине, а магия зелеными искрами танцевала на кончиках моих пальцев. В моем сердце разрастался темный лес, а в голове не осталось воспоминаний о том, откуда я родом. Я удивилась не меньше няньки принцессы, взглянувшей на меня и громко закричавшей на весь дворец.

Долгие месяцы Мать ждала, что я превращусь в облако бабочек или в грудку гнилых грибов. Но со мной ничего не случилось, и никто не мог понять почему.

Родилась я не в мире людей. И человеком я не была.

Как и не была одной из тех, *других*. Железо не прожигало мне кожу, рябина не слепила глаза. Я выросла и болела, как человек. Не могла выжить на одном лунном свете и цветочной пыльце – мне нужны были хлеб и мясо.

Слишком много от каждого народа, но недостаточно, чтобы быть принятой хотя бы одним.

Кем бы или чем бы я ни являлась, теперь мой дом был здесь. Если у народца когда-либо были права на меня, то он отрекся от них в тот момент, когда бросил меня в обмен на Айлу Ни Маннин. Он похитил принцессу и оставил на ее месте меня. Она была ценной – а я стала разменной монетой, без моего согласия. Я ненавидела народец за это – ненавидела с той же силой, с какой обожала королеву, приютившую меня, растившую и давшую цель в жизни, любившую меня как собственную дочь. И все это несмотря на мою внешность, служившую постоянным напоминанием о мсти-

тельных фейри, которые подбросили меня, убили ее мужа и украли единственное дитя.

Она могла с легкостью убить меня. И я бы ее не винила.

Я вздохнула и распрямила плечи. Ради Матери я бы сделала что угодно. Даже если мне придется помочь любимому мужчине найти девушку, обещанную ему в жены.

Глава 3

Ранним утром следующего дня меня ждал вызов верховной королевы. В голове все еще пульсировало от выпитого вина, напряжения и недостатка сна. Мышцы в руках и ногах ныли от того, что я прибегла к Зеленой Метке, – будто вместо костей у меня были узловатые ветви, а вместо плоти тугие лозы.

Но нельзя было оставить без внимания приглашение от королевы. Я заплела в косы спутанные волосы и выпила чашку воды, чтобы смыть неприятный привкус во рту – грязи, отвращения, возбуждения, обиды.

Роган ждал возле двери в приемный зал Матери. Он ничего не сказал, лишь сверкнул искренней улыбкой.

В моей голове будто грохотали воды горной реки. Я не улыбнулась в ответ и молча толкнула дверь.

Мне следовало постучать.

Тронный зал Матери был довольно аскетичным. Никаких бронзовых чаш, резных щитов, сияющего оружия, которое бы украшало стены, – только кое-где гобелены с изображением божественных покровителей четырех королевств Фодлы. Морриган, богиня власти и войны, окруженная воронами-прорицателями. Донн, бог мертвых, в обрамлении черных врат своего царства. Бригид, богиня земледелия и целительства, в окружении стада скота. Амергин, бог поэзии

и справедливости, — основатель Фодлы и ее народов, — который гордо стоял с арфой и посохом.

Однако ничего не подчеркивало богатство, силу или репутацию Матери как жестокой воинствующей королевы. Насколько я знала, она не терпела такого хвастовства. Золотые украшения, изысканные прически и экстравагантные интерьеры Мать считала вульгарными и даже опасными. От таких вещей веяло обольстительным вероломством малого народца, который скрывал правду за сверкающими масками. Она же держала все свои сокровища запертыми в узкой комнате по соседству с главной залой. Только самые приближенные лица знали о существовании тайника.

Но сейчас дверь в эту комнату была широко распахнута, обнажая полки, заставленные странными предметами и всяческими артефактами. Там были осколки упавших звезд, бутылочки с ониксовым песком, серебряной кровью, разбитым сердцем из рубина, лезвия, созданные из осколков стекла и кошмаров. Эти реликвии остались после жестоких набегов Матери на Тир-на-Ног во время Войны Врат. Реликвии, которые она собирала и изучала с ненавистью, одержимостью, излишней дотошностью, стараясь понять врага, который был неведом.

Но мое внимание привлекли вовсе не эти предметы, а тощий гном, что висел под потолком, закованный в железо и обвешанный рябиной. По обе стороны от него стояли Мать и Каххар.

Дарриг.

Его руки повисли как сломанные ветви, а ноги напоминали корни, вырванные из земли. По туловищу струилась коричневато-зеленая жидкость, стекая на пол. Бездонные глаза уставились на меня, как и прошлой ночью, но сейчас они казались равнодушными.

Безжизненными.

Мой желудок сжался от сострадания, и я попыталась найти хотя бы какое-то удовлетворение от успеха в моем поручении. Провела пальцем по браслету из колючек и крапивы, который обжигал раздраженную кожу.

Что мне сказал дарриг? Что-то про разбитое сердце. Про то, чтобы «положить конец печали». Создание просило меня о помощи. А я... я ничего не сделала. Даже чтобы облегчить его страдания.

Я выпрямила спину так сильно, как только могла. Сейчас этому созданию уже никто не мог помочь. И может, это было к лучшему.

Стоявший рядом со мной Роган кашлянул. Мать резко подняла голову. Железный прут исчез за ее юбками. Она сказала что-то Каххару, который пинком захлопнул дверь. Через несколько мгновений оба вышли в главный зал с чистыми руками и безмятежными лицами. Королева взошла на помост, где стоял трон, Каххар следовал за ней. Я подавила нарастающее отвращение, что подступало к горлу, и посмотрела на Мать.

Этне И Маннин напоминала королеву, явившуюся из старых легенд.

Она снисходительно посмотрела на нас с Роганом. Красота ее завораживала, будто заклинание. Хотя она была одета в простой синий киртл, не носила украшений, кроме простого золотого торка⁹ на шее, и сидела на простом деревянном кресле в пустом зале, она сияла красотой. Серые пряди в ее светлых волосах казались серебром среди золота. Бледно-голубые глаза сверкали, как алмазы. Но гордо вздернутый подбородок говорил о том, что все самоцветы она хранит у себя на языке.

Матери не было суждено править. Несмотря на красоту, пронзительность и кровь королей, что текла в ее венах, она была лишь *банлаа*. Принцессой. Ей было предназначено выйти замуж, ведь судьбой принцесс зачастую становится союз королевств. Когда она стала супругой Риана О Маннина, последнего верховного короля, ее выкупом стали мир и единство в Фодле.

Однако настоящим ее предназначением стала война.

– Роган Мор, – сказала Мать с намеком на улыбку. Она подождала, когда он поклонится, потом поднялась и обняла его. – Ты стал таким высоким и крепким, совсем как дуб! Как поживает твой отец?

– Ворчлив, как старый козел, – засмеялся Роган. – И его

⁹ Торк, или торквес – ожерелье из бронзы, золота, драгоценных металлов, которое кельты носили вокруг шеи, талии, поперек груди, как браслеты.

нрав с возрастом не стал мягче, особенно когда рядом кружатся мои братья, эти бродячие псы, умоляющие об объедах.

– Значит, он еще не назвал наследника?

Мать и так знала ответ на этот вопрос – она была в курсе всех дел своих наместников.

– Нет. – И, хотя улыбка не сошла с лица Рогана, я достаточно хорошо знала принца, чтобы заметить морщинки в уголках его глаз. – Он заставит нас всех помучиться, пока не окажется на смертном ложе, моя госпожа.

– В этом я даже не сомневаюсь. – Обмен любезностями был завершен, и Мать кивнула мне: – Ты хорошо проявила себя вчера, *астор*.

Мое сокровище. Ласковое прозвище, которое она использовала только для меня. Услышав его, я расслабилась и слегка поклонилась.

– Я лишь жалею, что не смогла вытащить оттуда даррига сама.

– Ты следовала правилам, маленькая колдунья. – Оллам Каххар выплыл из-за спины королевы, словно ее тень. – Нужно пользоваться теми возможностями, которые нам подворачиваются. Все не могут быть героями.

Я сердито глянула на друида, но смолчала. Каххар не разделял презрения королевы к украшениям: на его пальцах пестрели драгоценные камни, а накидка была расшита золотой нитью. В волосы и бороду он вплетал маленькие брон-

зовые подвески, которые звенели с каждым словом. Кто-то считал черты его лица привлекательными для мужчины средних лет. Но друид совершал слишком много ужасных вещей, чтобы я смогла разглядеть в нем эту красоту.

Я провела большим пальцем по своему колючему браслету.

От пытливого взгляда Каххара не ускользнул этот жест.

«Боль бывает полезной. Но только если ты сам решаешь причинить ее».

Вот что он сказал мне через несколько месяцев после отъезда Рогана. Друид видел, как мои глаза наполнялись слезами каждый раз, когда кто-то упоминал принца. Каххар показал, как превратить это отчаяние в силу.

О да, он сделал меня очень сильной.

– Расскажи им, что ты увидел, Каххар, – произнесла Мать. – И как это совпадает с тем, что мы узнали от даррига.

– Много лет Книга Шепотов показывала мне только то, что я уже видел, – сказал Каххар, взмахнув руками. – Врата между миром людей и Тир-на-Ног, всего двенадцать. Открытые во время войны, но закрытые в знак отступления.

Как и Мать, Каххар собирал различные загадочные предметы. Книга Шепотов была из них самым могущественным. Найденная под холмом фейри, обернутая в березовую кору и скрепленная человеческим волосом, книга была написана на языке снов и говорила с друидом только во сне.

После того как фейри убили верховного короля, Каххар

пытался разрешить самую главную проблему своей скорбящей королевы: как вести войну с малым народцем, если они жили в Тир-на-Ног, за пределами царства смертных. Как ей отправиться маршем к замкам, что парили в облаках? Как устроить засаду лунному свету? Как уничтожить армии диких цветов?

Каххару потребовалось пять лет, чтобы понять, как открыть Врата в Тир-на-Ног: нужно было произнести заклинание на языке древних в свете полной луны; выковать кинжал из чистого железа, соединенного с ясенем; пролить кровь бьющегося сердца одного из фейри на жаждущую землю.

Так открылись все двенадцать Врат в Тир-на-Ног. Многие погибли в последовавшей за этим войне, кто-то встретил судьбу хуже смерти. Только после того, как была похищена Айла, королева прекратила бой: она думала, что, если закончит войну, фейри смиростивятся и вернут ей дочь. Она выпустила фианну и приказала закрыть двенадцать Врат, похоронив их под курганами. Королева признала поражение, словно испила из чаши с ядом. Она ждала, что ей вернут дочь.

Но никого из девочек не вернули. Осталась только я.

– Две недели назад, – сказал Каххар, – мне явилось во сне новое видение. Есть Тринадцатые Врата в Тир-на-Ног, которые никто никогда не открывал. За их порогом я увидел озеро тьмы. И на этом озере плавали двенадцать белых лебедей. В крепости возле него жил призрачный танаист – наследник

фейри. Дворянин.

Волна отвращения накрыла меня с головой, и я стиснула пальцы на запястье. За последние несколько лет, будучи шпионом Матери, я встречала кое-кого из фейри. Но никогда не знать, вселяющую ужас.

Если малый народец был проказлив, то знатные фейри отличались изощренным коварством. Если с малым народцем стоило держать ухо востро, то знать была смертельно опасной. Бессердечные хищники, куда хуже своих собратьев из малого народца.

Каххар сделал многозначительную паузу – не потому, что закончил свой рассказ, скорее, напротив. Но Роган знал Каххара не так хорошо, как я.

– Значит, есть Врата, о которых мы ничего не знаем, – сказал он. – А что с этими лебедями? Я ничего не понимаю.

Хотя Каххар был недоволен тем, что его прервали, он все же ответил на вопрос:

– Это не настоящие лебеди – на них наложены могущественные гейсы.

Слова друида лишь озадачили Рогана еще больше.

– Гейсы?

Я знала это слово. Оно означало клятву или долг. В страшных сказках малого народца о нарушенных обещаниях, похищенных возлюбленных и коварном предательстве они постоянно упоминались.

– Ты уже слышал про гейсы, – сказала я. – Говорили, что

великий воин Кухулин был связан двумя такими. Один гейс запрещал ему есть мясо пса, а второй – нарушать законы гостеприимства. Когда хозяин предложил ему мясо своего пса, Кухулину пришлось нарушить один из двух гейсов. Сила воина пошатнулась, любовь к нему была потеряна, а сам он вскоре погиб в битве.

Роган кивнул, хотя до сих пор выглядел растерянным.

– Маленькая колдунья права, – сказал Каххар. – Этот гейс исчезает по ночам, когда луна плывет высоко в небе над озером. Только тогда лебеди принимают свой истинный облик, становясь двенадцатью человеческими девочками. И на шее одной из этих двенадцати, самой прелестной, сверкает золотой торк – символ королевской власти, заключенной в драгоценный металл. Она и есть банлаа – принцесса.

– Айла, – выдохнул Роган.

– Да.

Лицо Матери озарила радостная улыбка, и это редкое явление вывело меня из равновесия.

Мать уже давно подозревала, что ее настоящая дочь жива. Долгие годы она верила в то, что феири насмеялись над ней, оставляя нахальные намеки. Васильки – любимые цветы Айлы – словно сорняки разрастались в садах при кухнях. Рано на заре мог запеть жаворонок, как и в тот день, когда родилась принцесса. Посреди ночи раздавался детский смех, эхом проносящийся по замку. Но королева уже не верила, что когда-либо увидит свою дочь.

Роган тряхнул головой, прогоняя удивление.

– Если это правда, то она страдает от рук наших врагов уже двенадцать лет. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы спасти ее. – Его решительность колючкой впи-
лась в мое сердце.

– Это очень благородно, мальчик, но она заколдована, – нетерпеливо сказал Каххар. – Застряла душой и телом в облике лебедя из-за коварной магии фейри. Освободить ее – задача не из легких, а цена свободы может быть слишком высока.

– Здесь не может быть слишком высокой цены или огромного риска.

Лицо Рогана обрело решимость.

Все это напоминало сцену из сказочной истории: гордая королева с трагической историей, друид, пророчащий несчастье, прекрасный принц на пороге подвигов.

Но сказки по своей природе лживы – их придумали, чтобы одурачить или ввести в заблуждение, заставить поверить в то, что не может быть правдой. Сказки давали нам надежду, и я ненавидела их так же сильно, как и свое украденное лицо, неизвестное происхождение и дикую темную магию.

Настоящая жизнь была далека от сказок. В реальности все заканчивалось обманом, предательством и трагедией. А значит, и наша милая сказка либо не была правдива, либо ее рассказали не до конца.

– Выходит, с помощью Тринадцатых Врат мы спасем Айлу? – вмешалась я в разговор.

Мать кивнула:

– Фейри вряд ли подозревают, что мы знаем об этих Вратах. Когда в полнолуние грань между царством людей и Тир-на-Ног истончится, ее можно будет и вовсе стереть.

Я резко подняла голову.

– Но разве чтобы пройти туда, вам не понадобится все еще бьющееся сердце того, кто... Ох...

Ответ обрушился на меня со всей мощью и неотвратимостью холодного зимнего моря. Значит, вот почему меня позвали сюда, вот почему я стояла рядом с Роганом и планировала грандиозное спасение принцессы – все из-за моей крови, в которой смешались зелень и чернота самых темных уголков леса.

А не потому, что Мать воспитала меня и хотела, чтобы я первой приветствовала ее настоящую дочь, когда та вернется домой. И не из-за моей детской привязанности к Рогану. И даже не потому, что меня готовили идеальным воином и шпионом королевы.

Они нуждались не во мне. А в моей смерти.

Я убила на корню зарождающуюся лозу обиды, рассыпавшуюся на тысячи колючек, и они впились в меня, словно мертвые цветы. Я никогда не принадлежала этому миру. Может, проще все же покинуть его, чем оставаться. Если этого требовала от меня Мать, значит, так тому и быть. Она столь-

ко всего дала мне за эти годы – в том числе свою любовь. Я бы не отказалась отдать взамен что-то столь незначительное, как моя жизнь.

Роган внимательно следил за моим лицом, и я заметила, когда он наконец все понял. Он расправил плечи и поджал губы, готовясь защищать меня перед королевой, и за это я любила его.

– Нет, – твердо сказал он. – Должен быть другой способ.

– Возьми себя в руки, Мор, – сказала Мать с ноткой веселья в голосе. – Мы не фейри. Ты правда мог решить, что я пожертвую одной дочерью ради другой?

Ее слова вернули меня из холодной бездны смирения – я невольно ахнула, будто тонущий человек, выбравшийся на поверхность. Мать внимательно посмотрела на меня и свела брови на переносице, поняв, что я пришла к тому же выводу, что и Роган. Ее бледные глаза наполнились болью и обидой, и я поняла, что она бы никогда не потребовала от меня такой жертвы.

«Как бы я смогла пожертвовать тобой? – будто бы спрашивала она. – Я любила тебя, когда больше никто не любил. Как ты могла подумать обо мне такое?»

Стыд и раскаяние пронзили меня насквозь. Я винила во всем проклятое ежевичное вино – оно еще не до конца выветрилось из крови. Только алкоголь и дикие ягоды могли взрастить во мне такие темные мысли.

– Тогда что вы задумали? – спросил Роган.

– Дарриг нам очень помог, – сказала Мать. – Врата связаны мощной магией фейри – магией, которая была повреждена. С появлением Тринадцатых Врат сила Врат пошатнулась.

– Королева права. – Каххар прищурился, с улыбкой глядя на меня своими орехово-карими глазами. – Границы расползаются. Сквозь трещины что-то может проскользнуть в наш мир.

– Змее, конечно, виднее, – тихо оскалилась я.

Улыбка друида лишь стала шире.

– Для прохода все еще нужны кровь фейри и полнолуние, – пояснила Мать, снова посмотрев на меня. – Но хватит и пары капель. Достаточно, чтобы сделать проход для вас – вас обоих – в Тир-на-Ног. Оказавшись там, вы найдете дун¹⁰ на холме, над озером теней. Вы найдете лебединых дев, а среди них мою дочь. И вы вернете ее домой, где ей и место.

План казался довольно простым. Но когда дело доходило до фейри, все редко оказывалось таким простым, каким казалось.

– Почему только теперь?

– Книга Шепотов говорит со мной всякий раз, когда равновесие между нашими мирами нарушается. – Из уст Каххара это звучало как некое пророчество. – Мы уже несколько лет подозревали, что Врата слабеют, но не могли пройти сквозь них и не быть обнаруженными.

¹⁰ Дун (*бретон.* din, *гэльск.* dùn) – кельтский термин, обозначающий прежде всего крепость, иногда также холм.

– Я горевала, думая, что мы упустили шанс выступить против фейри и спасти Айлу, – сказала Мать. – Найденные Врата все изменили.

– Мы не подведем вас, моя королева, – торжественно произнес Роган.

– Хорошо. – Мать не стала дожидаться моего ответа. Она просто передала свиток с картой Рогану. – В Бридае, за городом Финна Корада, вы найдете полуразрушенную крепость – Дун Даррах. Она ближе всего к Тринадцатым Вратам. Место без лишней роскоши, но оно защитит вас от дождя и ветра.

– Я знаю те места, – задумчиво сказал Роган.

– И как нам найти там Врата? – спросила я.

– Я их видел, – зловеще отозвался Каххар. – В лесу за озером, в месте под названием Роусли, где в тених кишат монстры, а у деревьев серебряные ветви.

Его слова казались пафосной чушью. Я попробовала задать другой вопрос:

– Как мне понять, что я открыла Врата? Как узнать, что мы перешли в Тир-на-Ног?

Мать тяжело посмотрела на меня. Порой она выпивала лишнего и предавалась воспоминаниям о странных землях, которые фейри называли своим домом. Говорила о птицах, которые пели голосами давно умерших людей. О ярких морях из меда и надежды. О замках, созданных из стеклянных листьев. Она говорила, что все, кто возвращался с поля боя, менялись до неузнаваемости – они теряли дар речи, их гла-

за видели лишь во тьме, не различая дневного света. Из ран вместо крови выползали лозы, пока плоть не становилась корой, а вместо конечностей не появлялись ветви...

– Ты поймешь, моя астор, – наконец решительно проговорила она. – Обязательно поймешь.

Она отвернулась так внезапно, что я вздрогнула. Потом жестом отпустила нас, и я поняла, что разговор окончен. Роган закинул плащ на плечо и зашагал к двери. Я хотела пойти за ним, но голос Матери остановил меня:

– Задержись, Фиа.

Я замерла. Мать дождалась, когда Роган выйдет из залы, и повернулась ко мне:

– Роган освободит мою дочь. – Лицо королевы было безмятежным и гладким, как шелк, а в голосе сквозило железо. – Айла может быть околдована или зачарована, погрузившись в магию фейри. Но Роган красив, статен и добр – он сможет разрушить проклятье и переманить ее в мир, которому она принадлежит.

Я была полностью согласна. И часть меня возненавидела его за это.

– Хорошо, – с легкостью сказала я. – Но вы растили меня, тренировали и обучали магии фейри не для того, чтобы я дошла до Врат и подождала принца, не так ли?

– Ты права.

Мать слегка улыбнулась, и мое настроение улучшилось. Я напоминала цветок, который тянулся к солнцу. Улыбка ко-

ролевы вдруг померкла, не успела я ощутить ее тепло.

— У меня действительно есть для тебя другое задание, ас-тор. Такое же важное для моего сердца, как и спасение моей дочери, но вдвое тяжелее. — Она замешкалась. — Но после того, как ты решила, что я с легкостью пожертвовала бы тобой ради цели, мне ужасно не хочется говорить тебе об этом. Мне ненавистна сама мысль, что ты решишь, будто я пожертвую твоей драгоценной жизнью. Может, нам всем было бы проще, если бы я попросила Рогана...

— Говорите. — И вновь угрызения совести и отчаянное желание быть полезной. — Я сделаю все, что вы мне прикажете. Невзирая на сложность — или на цену.

Королева внимательно посмотрела на меня, будто взвешивая мои слова.

— Очень хорошо, — сказала она наконец. — Каххар посвятит тебя в подробности, а я вернусь к другим своим обязанностям. Вечером ты присоединишься ко мне на пиру, и мы все обсудим. Завтра ты отправишься в Бридаю с Роганом.

Я поклонилась своей королеве и Матери, потом последовала за Каххаром в тронный зал.

* * *

Комнаты друида были до боли знакомы мне. В просторных комнатах с низкими потолками, расположенными между темницами и судомойной, вдоль стен тянулись полки и

громоздились верстаки. В воздухе стоял запах черного ореха и дешевой медовухи. На балках шумно гнездились скворцы. Манускрипты и гримуары боролись за свободное пространство с магическими артефактами и отвратительными трофеями, украденными из Тир-на-Ног: банками с консервированным корнем мандрагоры, сломанными клыками ойлифеиста¹¹, флаконами с неизвестными ядами.

Я скрестила руки на груди, будто прячась от постоянной промозглости этой пещеры, удивляясь, сколько лет своей жизни провела здесь, изучая историю Войны Врат, легенды о малом народе, шпионаж и яды.

– Зачем верховный король отправился в Тир-на-Ног почти двадцать лет назад?

Голос Каххара эхом отдавал от стен. Стоя ко мне спиной, друид дотянулся до пары увесистых томов, которые были на верхней полке.

– Фодле грозила опасность, – тут же ответила я. Хотя люди и фейри никогда не были друзьями, до Войны Врат между царствами существовал хрупкий мир. Обе стороны поддерживали дипломатические отношения. – В Дельбне разразилась чума. Пораженное болезнью зерно грозило голодом в Бридае. Пираты потопили корабли у восточного побережья. Верховный король отправился к фейри, чтобы просить о по-

¹¹ Ойлифеист (от *ирландск.* oll – «великий» и réist – «червь, сказочный зверь, чудовище, рептилия») – морской змей или драконоподобное чудовище в ирландской мифологии и фольклоре.

мощи.

И фейри убили его за это.

– Он отправился просить о магии, – поправил меня Каххар, бросая тяжелый том на стол. Я изучала эту книгу бесчисленное количество раз. Книга Беоты, бестиарий малого народца. – Полвека тому назад, во времена Амергина, фейри похитили из людских земель всю магию. Это ослабило наш мир, будто из тела забрали важные органы. И все для того, чтобы использовать магию в Тир-на-Ног в собственных целях. Фейри заточили ее в четырех драгоценных Сокровищах, предметах необычайной силы, которыми владели их правящие Септы.

– Септы, про них я помню, – четыре благородных клана фейри. – Я уставилась на него. – Но ты никогда не рассказывал мне про Сокровища.

Каххар распахнул книгу. Я мельком увидела рисунки: мохнатый, с круглым как луна лицом, груагах, развлекавшийся тем, что разгонял стада после кражи молока. Банши, завернутая в саван, которая могла убивать своим пронзительным криком. Кровожадная дирг-дью с окровавленными зубами и когтями. Меняющие форму агиски с изящными чертами лица и акульей челюстью. Водяная муруха, одиночка брунидхен, злобный пука. Каххар пролистал все эти зарисовки малого народца и остановился на последнем разделе. О коварных и обольстительных высших фейри.

Меня охватила тревога. Когда я впервые читала этот раз-

дел, я была еще очень юна. Несколько недель после этого меня преследовали кошмары – сладкие и опасные сны об острых языках, украшенных драгоценностями когтях и далеких голосах, которые заманивали меня в глубь леса. Даже сейчас от соблазна этих рисунков у меня сводило челюсть. Но когда Каххар постучал пальцем по странице, я заставила себя посмотреть. Он указывал на круглую эмблему, разделенную на четыре части – почти как герб.

– Я половину жизни потратил на то, чтобы разгадать самый главный секрет фейри. – Каххар триумфально улыбнулся. – Каждому клану соответствует дикая магия, заключенная в Сокровищах. Септа Плавников владеет Вечным Котлом. Септа Рогов – Сердцем Леса. Септа Чешуй – Огненным Щитом. И Септа Перьев обладает мастерством Небесного Меча.

Пока Каххар говорил, я взглядом следила за эмблемой. Замысловатые геометрические линии образовывали сложный узор из флоры и фауны, будто светящийся изнутри. Цвета плавно перетекали друг в друга – океанская лазурь смешивалась с изумрудной зеленью лесов, алое пламя перетекало в фиолетовые сумерки.

Я не могла понять, почему друид решил рассказать мне об этом сейчас.

– К чему ты клонишь?

– Эти Сокровища вмещают могущественную магию, маленькая колдунья. Силу сдвигать горы или топить города.

Сжигать леса или перенаправлять реки.

– Исцелять болезни, – проговорила я, начиная понимать, к чему он вел. – Улучшать урожай. Одерживать победу над разбойниками.

Каххар склонил голову набок.

– А этот лорд фейри, который держит Айлу пленницей? Твой приятель дарриг сказал, что он танаист одной из Септ. Наследник Сокровища. Королева желает, чтобы ты выкрала реликвию, маленькая колдунья, и вернула магию на законное место, в Фодлу.

Я посмотрела на друида, а внутри меня проросли чертополоховые заросли ужаса. Я сражалась с воинами и убивала фейри, шпионила за пьяными лордами и соблазняла принцев (правда, последнего неудачно). Но я ни разу не встречала высшего фейри, тем более не строила против него коварных планов. А украсть у них могущественное драгоценное Сокровище? Мать была права – так я еще никогда не рисковала.

– И какое именно Сокровище мне нужно похитить?

– Говорят, что он танаист Септы Перьев, – сказал Каххар. – Небесный Меч.

– Как он выглядит?

– Этого я не могу сказать.

– Тогда как мне его найти? – От волнения и страха мою кожу стянуло. – Как я отличу его от любого другого проклятого меча фейри?

– За эти двенадцать лет я многому тебя научил. – Голос Каххара оставался бесстрастным. – Используй эти орудия против наследника фейри. Преследуй его, лги ему, заискивай перед ним. Ты выросла довольно симпатичной – возможно, ты сможешь его соблазнить. Неважно, как ты попытаешь его секреты. Важно лишь то, что ты принесешь нам магию, в которой так нуждаются эти земли. Ты поняла меня, маленькая колдунья?

– Поняла. – Кожа на моем запястье зудела, словно от укуса муравья. – Но я не готова... мне понадобится оружие, красители и яды, книги...

Каххар с грохотом опустил на стол огромный мешок из непромокаемой ткани. Внутри были свитки пергамента, пучки трав, поблескивал металл.

– Я уже кое-что подготовил. Заклинания, чтобы пересечь Врата. Железные колья, смоченные в сурьме, хотя это защитит лишь от низших фейри. – Каххар обвел рукой комнату. – Бери все, что тебе понадобится.

Я оживленно вскочила на ноги. Однако холодная рука друида сомкнулась у меня на локте, будто пыталась успокоить поток нервной энергии, который заставлял меня бежать подальше от него.

– И еще кое-что.

Что еще он мог попросить от меня?

– Я не забыл все, что случилось с принцем несколько лет тому назад. – Орехово-карие глаза пристально смотрели на

меня. — Как и ты, я полагаю.

Я определенно старалась обо всем забыть.

Мне было шестнадцать. Стоял жаркий летний день, и мы с Роганом сбежали с тренировки по стрельбе из лука, проскользнули к бассейну, пока все остальные из фианны потели во дворе. У нас кружилась голова от этого безбашенного поступка, и мы нырнули и плавали до тех пор, пока не занемели конечности, а потом грелись на солнце на поросшем травой берегу. Когда день перерос в вечер и в сумерках вспыхнули светлячки, Роган поцеловал меня. Его губы были на вкус сладкими, как запретный плод. И хотя я знала — прекрасно знала, — что он не может быть моим, я ответила на поцелуй. Стоило его рукам опуститься ниже, я выгнулась навстречу. Мокрые и разгоряченные, мы обнимались, сгорая от желания, пока не растворились друг в друге, и мне совсем не хотелось возвращаться из краев блаженства.

Роган стал моим первым мужчиной. И хотя я пыталась убедить себя в том, что ничего особенного не произошло — мы были просто подростками, играющими в страсть, — но уже тогда я знала, что люблю его. И любила сейчас.

Откуда про это узнала Мать, мне неизвестно. Может, уже следила за нами, подмечая, как менялись наши отношения. Может, нас увидели птицы Каххара, и он шпионил за нами ради королевы. В любом случае вскоре Карелл Мор призвал своего сына обратно в Бридаю.

— И что с ним? — фыркнула я, стряхнув с локтя руку Ках-

хара. – Я его не люблю – больше не люблю.

– Можешь считать меня тупицей, маленькая колдунья, но я вижу, как ты смотришь на него. – Друид вздернул голову, совсем как один из его ручных скворцов. – Ты должна запомнить: как бы сильно ты ни желала этого, он никогда не будет твоим. Он женится на принцессе – если не на Айле, то на любой другой дочери короля. Может, тебе повезет, и та умрет в родах, и он решит больше не жениться. Тогда ты будешь ближе всего к его сердцу. – От небрежной злобы друида у меня свело внутренности. – Но скорее всего, он никогда тебя не выберет, и ты будешь не более чем запасным вариантом. И проведешь остаток своей жалкой жизни его любовницей. Его тенью. Его подстилкой.

– Значит, вот кто ты для королевы? – огрызнулась я. Шипы ярости заставляли меня вспылить. – Подстилка?

– Возможно. – Улыбка Каххара была пронизана самодовольством. Ему нравилось выводить меня из себя – совсем как кузнецу доставляло удовольствие порезаться о свежескованный меч. Это доказывало Каххару, какой жесткой он меня сделал. – Радуйся, что это не ты. Ты – оружие, маленькая колдунья. Ты создана, чтобы причинять боль. А мужчины знают, лишь как использовать орудия – а не как их любить.

– Уверен? Я знаю некоторых мужчин, которые обожают начищать свои мечи. – Я продемонстрировала ему свою самую сладкую улыбку. – А теперь позволь откланяться, мне

нужно собираться.

Я схватила со скамьи мешок и вылетела из комнат Каххара, перепрыгивая через ступеньки. Его смех преследовал меня, растворяясь в утренней дымке, как и его слова, хотя я бы ни за что ему в этом не призналась.

«Как бы сильно ты ни желала этого, он никогда не будет твоим».

Мне не хотелось признавать этого, но Каххар был прав. Передо мной сегодня поставили две невозможные задачи, к которым я добавила третью: забрать мое сердце у того, кому не следовало его доверять.

Глава 4

Быстрый стук в дверь моей спальни вывел меня из состояния сосредоточенности. Я отвлеклась от подсчета своих носков и попыток прикинуть, сколько раз смогу надеть каждую пару до того, как их придется стирать.

На пороге стоял Роган. Сияние свечей окружило его, когда он, пригнувшись, зашел внутрь. Выпрямившись, он едва не задел макушкой низкий потолок. Я отступила от своей горы носков, борясь со смущением, давно уже ставшим привычным.

Принц не впервые был в моей комнате. И мне никогда не нравились его визиты сюда. После моего неожиданного появления в замке двенадцать лет назад я недолго пробыла в спальнях принцессы. Мать оставила просторные покои для долгожданного возвращения Айлы – каждая кукла на своем месте, каждая подушка взбита. Меня переселили на верхний этаж – для слуг высокого ранга, купцов без титулов или же тайных подменшей. Обычно я спокойно воспринимала сквозняки, сальные свечи и трещины, через которые проникали мыши. Но в присутствии Рогана стены казались непозволительно голыми, а кровать непростительно узкой. Моя комната отличалась от королевских гостевых спален Рогана, где были роскошные гобелены, свечи из пчелиного воска и пуховые перины.

– Вот и ты. – Губы Рогана изогнулись в улыбке, от которой у меня защемило сердце. Его волосы отросли за те годы, что мы не виделись, – теперь они спускались по плечам золотыми волнами. У лица они были заплетены в косицы, убранные назад, как это принято у молодых воинов. – Что ты здесь до сих пор делаешь? Опоздаешь на пир.

– Собираюсь, – проговорила я напряженным голосом. – Возможно, и тебе не помешало бы.

Роган без спроса сел на край моей кровати, продавливая соломенный матрас. Он внимательно осмотрел груды запасных доспехов, оперений, неподписанных флаконов и потрепанных книг.

– Кузница Бригид, Фиа! Неужели ты все это берешь с собой?

– Большую часть. Неизвестно, сколько продлится наше путешествие и с чем нам придется столкнуться. Хочу быть ко всему готовой. – Роган подхватил сморщенное яблоко, которое я оставила для своей лошади, осмотрел его и откусил. – А что? Что ты с собой берешь?

– Мой меч, разумеется, – проговорил он с набитым ртом. – Надену мантию, доспехи и сапоги. Думаю, единственное, что действительно не помешает прихватить с собой, – смену одежды.

Я изогнула брови:

– Только одну смену одежды? Никакой еды? Или лекарств?

– В трех лигах к западу от Дун Дарраха есть деревня. – Роган пожал плечами. – Нет нужды все это с собой тащить, если мы можем купить все необходимое там. Я возьму достаточно монет.

Я чуть не рассмеялась. Только принц мог предположить, что в сельской местности в начале зимы можно будет купить еды, когда из-за плохого урожая голод буквально наступал на пятки фермерам. Но я не стала тратить силы на то, чтобы объяснить ему все это. Значит, надо взять с собой припасы на двоих.

Ничего удивительного.

– Ты знаешь ту местность? – Я вспомнила его странную реакцию, когда Мать упомянула название. – Знаешь Дун Даррах?

– Знаю. – Роган снова откусил от яблока, обгрызая его до самой сердцевины. – Говорят, там водятся призраки.

Я бросила в мешок запасные ботинки.

– Правда?

– С тем местом связана очень темная история. – Роган доел яблоко, подошел к окну и выбросил огрызок. Потом прислонился к подоконнику. – Давным-давно, когда фейри свободно бродили по этим землям, фенниди из царства людей влюбился в обольстительную деву из высших фейри. Он нарушил клятвы, бросил свои земли и последовал за ней до края Тир-на-Ног. Но он не смог перейти в другой мир. И тогда он построил Дун Даррах сам, из камней, которые смог

притащить, и не останавливался ни на миг, чтобы найти дорогу к своей возлюбленной.

Мои руки замерли, пока я слушала Рогана. Я снова взялась за дело, стараясь отвести взгляд от златовласого принца, окутанного сумерками.

– И ему удалось?

– Насколько я слышал, он нашел способ проникнуть в другое царство и вернуть свою любовь. – Роган усмехнулся. – Но большинство говорит, что он погиб в Дун Даррахе из-за разбитого сердца, крепость так и не была достроена, любовь не была найдена, и теперь его дух бродит по тем залам.

Я подавила дрожь, пробежавшую по позвоночнику.

– Спасибо тебе за эту восхитительную историю.

– Всегда рад помочь. – Он снова посмотрел в окно – во дворе раздавался стук копыт и звонкий смех. – Мы так и правда опоздаем.

Я сжала ладони в кулаки. Если бы Роган не появился в мою комнату без приглашения, я бы никуда не опаздывала и уже закончила бы сборы. Но я твердо решила не позволить ему влиять на меня – ни к добру, ни к худу. Я отставила собранные вещи в сторону и накинула на лицо маску равнодушия.

– Я почти готова. – Я указала на грубую тунику, которую носила вместе с кожаными штанами. Вряд ли это напоминало праздничный наряд – Мать едва ли одобрит. – Мне нужно переодеться.

Роган даже не шевельнулся.

– Хочу сменить одежду, – уточнила я.

– К чему такая скромность, подменыш? – В мерцании свечи мелькнула его улыбка. – С каких пор тебя заботит, что я увижу, как ты переодеваешься?

– С тех самых, королевич, как мы выросли. – Я сама разочлилась от того, как нелепо зарделись мои щеки. – Мы больше не дети.

Наконец Роган понял намек, оттолкнулся от подоконника и пересек узкое пространство. Однако, поравнявшись со мной, легонько потянул за одну из моих косичек.

– Нет, подменыш. – В этом мерцающем свете его зелено-голубые глаза казались мутными, как и треснутый камень в брошке у него на плече. – Уже нет.

Дверь захлопнулась за Роганом. Я выдохнула и быстро одернула тунику, жалея, что не могу так же просто расправить свои взбудораженные чувства. Жар пробирался мне под кожу. Я переоделась в скромный шерстяной киртл, который понравился бы Матери, и заплела волосы в безыскусные косы на затылке. Сунула ноги в туфли с вышивкой, потом достала немного украшений из красивой маленькой коробочки, которую я прятала в шкафу, – подарки от Матери. Украшения мне не шли – серебряные кольца выглядели странно на моих руках с мозолями от меча, рубиновые серьги не подходили к моей коже. Но Мать хотела, чтобы сегодня я сыграла ее послушную приемную дочь, и я не желала ее разочаровать.

Роган ждал меня за дверью. Он быстро пошел вперед, преодолевая лестницы и коридоры, которые прекрасно помнил. Я старалась поспеть за ним, пока в голове крутились обидные мысли. Почему он вел себя так, будто между нами ничего не изменилось? Ведь это он бросил меня четыре года назад. Да и приехал он лишь затем, чтобы спасти обещанную ему невесту. Я никогда не забуду то, что он сказал мне в то ужасное утро...

Я отбросила эти мысли, когда мы по узкому коридору приблизились к большому залу. У входа стоял лишь один страж, факел отбрасывал блики на его шлем. Он отдал Рогану честь, но стоило ему заметить меня, его настроение переменялось. Я не придавала этому значения, пока он внезапно не шагнул в сторону, прижимая меня к стене.

От удара из легких вышибло весь воздух, но потрясение не могло замедлить моей реакции. Мышцы напряглись, я настроилась перейти в атаку...

Роган встал передо мной.

– Черными Вратами Донна, парень! – с веселым упреком и легкой снисходительностью в голосе сказал принц. Роган прибегал к такому тону, чтобы командовать своими подчиненными и обезоруживать сверстников. Я уже давно не слышала этого голоса, и пламя недовольства внутри меня лишь разгорелось жарче. – Что ты вытворяешь?

Страж быстро перевел взгляд с Рогана на меня. Он не понял, что мы шли вместе – думал, что просто рядом. Мужчи-

на снова заступил на пост и опустил голову.

— Простите, милорд. — Он быстро посмотрел на меня, а потом уставился вдаль. — Ошибка. Эти коридоры ужасно узкие.

— Извинения приняты. — Роган без промедления похлопал его по плечу: — Чтобы этого больше не повторялось.

Роган отступил в сторону и жестом указал мне проследовать вместе с ним на пир. Но я не удержалась и обернулась посмотреть на стража, который — за спиной Рогана — делал жест против сглаза. Я подавила желание оскалиться и зашипеть на него.

Но Роган бы не понял. Роган ничего этого не понимал.

«Вся радость в азарте боя, а не в обещании смерти».

Легко говорить, если ты принц. Сколько раз его прижимали к стене? Сколько раз подставляли подножку, когда он бежал по коридорам? Сколько проклятий слали ему в спину? И за что? Только за то, что я родилась собой.

* * *

В зале царило оживление от еды, огня в каминах и хмельных разговоров. Роган кивнул мне на мое место по левую руку от королевы, потом прошел к выделенной для его семьи скамье, здороваясь со знакомыми лордами и воинами. Я приготовилась извиняться перед Матерью за медлительность, но она о чем-то увлеченно беседовала со своим бра-

том, наместником Дельбны, который сидел по другую сторону от нее. Слуга поставил передо мной еду и напитки, но я к ним не прикоснулась, разглядывая собравшихся людей.

Стол верховной королевы стоял в виде буквы U, главенствуя в зале для пиршеств. С одной стороны сидел Роган со своими сводными братьями, Киллианом и Каллумом, а также несколько вассалов их земель. Они представляли Бридею – самое южное королевство Фодлы, богатое урожаями зерна. Рядом с ними, слева от меня, сидел Дерг О’Брит, наместник Эодана, крепкий мужчина средних лет. Он обожал своих дочерей, а еще разводил лучший на острове скот. Справа от Матери находились гости из Дельбны. Родина королевы, известная превосходной сталью, лучшими воинами и гористой местностью, по большей части получала продовольствие из других королевств – с помощью торговли или набегов. Последним сидел наследник престола Фаннона Коннла Рехтмар, давний враг Бридеи.

Я нехотя взглянула на Коннлу и ничуть не удивилась, заметив, что он наблюдает за мной. Его разбитый нос распух, в половину лба сиял огромный синяк. Принц поймал мой взгляд и улыбнулся – подло и свирепо, – после чего пригубил из кружки. Потом он нагнулся и что-то прошептал ригфенниду, который пил рядом с ним. Секунду спустя второй мужчина тоже посмотрел на меня. Его руки тут же сложились в знак – такой же, что сделал и страж у дверей зала. Против злых сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.